

Н. В. СИЛЬЧЕНКО

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аксиомой стало положение, согласно которому в правовом государстве должны быть правовые законы. Ясно и то, что далеко не каждый принимаемый в нашем государстве закон является правовым, а лишь тот, в котором находят свое выражение общественные отношения, имеющие правовую природу. В. С. Нерсисянц убедительно показал, что нельзя с помощью закона неправое по своей природе общественное отношение сделать правовым, что законодатель лишь придает правовым по своей природе общественным отношениям официальную законную силу, как бы переводит их под защиту государства, утверждает в общественном сознании тот факт, что отношения имеют «нормальный», «правильный» характер¹. Следовательно, проблема правового закона состоит по сути дела в том, чтобы разработать четкие критерии, позволяющие из всей совокупности общественных отношений выделить те, которые имеют правовую природу и могут быть подвергнуты воздействию со стороны законодателя.

Приступая к регулированию общественных отношений, законодатель должен четко представлять: имеет ли отношение, которое он собирается упорядочить, правовую природу или нет? Ответ на этот вопрос можно получить в принципе двумя способами: а) путем теоретического анализа, доказательствами того, что отношение, подлежащее регулированию, имеет правовую природу; б) эмпирическим путем, т. е. методом проб и ошибок. Законодатель может издать акт, а уж затем убедиться, правовой это закон или нет.

Даже поверхностный анализ нашего законодательства показывает, что законодатель чаще избирает второй способ (вариант) ответа на данный вопрос. Излишне доказывать, что такой путь приводил ранее и приводит до сих пор к неоправданным издержкам не только морального, но и материального характера. Излишне доказывать и то, что, если бы законодатель знал заранее, какое отношение имеет правовую природу, а где таковой не имеется, он скорее всего (презумпция порядочности законодателя) воспользовался бы первым способом ответа на вопрос.

Опираясь на имеющиеся в советской юридической литературе разработки вопроса о соотношении права и закона, попытаемся указать на те свойства, которые характерны отношениям, имеющим правовую природу. Правовые отношения возникают в результате появления разделения труда и собственности, имущественного неравенства, с отделением производителя от результатов своего труда. Процесс создания, обмена и распределения материальных и духовных ценностей происходит в этих условиях в форме определенных стоимостей. Обмен стоимостей происходит таким образом, что права сторон «пропорциональны доставляемому ими труду»², т. е. базируются на условиях эквивалента.

Эквивалентное начало правовых отношений отличает их от отношений нравственных, в которых момент обмена стоимостей на эквивалентных началах полностью отсутствует. Материальные и духовные ценности в нравственных отношениях также могут переходить от одной стороны к другой, но не на стоимостно-эквивалентной основе, а как проявление любви, милости, благодарения, сострадания к ближнему. Более того, нравственный уровень общества определяется, помимо всего прочего, именно тем, насколько в

нем распространены процессы добровольного перераспределения ценностей на неэквивалентной основе. Да и нравственная устойчивость личности, по существу, состоит в том, насколько развита в ней способность поделиться с окружающими имеющимися в ее собственности ценностями (благами) на безвозмездной основе³. По-видимому, суть нравственного воспитания человека и заключается в формировании такой способности, утверждении ее в качестве внутренней потребности личности.

Для правового отношения характерно, что, основываясь на формальном равенстве сторон, процесс его функционирования неизбежно приводит к формированию фактического неравенства, к утверждению закономерности, правдивости и справедливости неравенства, освящению фактического неравенства правом. Нравственным же отношениям это не свойственно. Одна из главных нравственных заповедей гласит: возлюби ближнего своего, как самого себя, т. е. сделай его (и стань сам) равным себе как в духовном, так и материальном плане. Но утверждение равенства в нравственном смысле предполагает, что в обществе утверждается (или уже утвердилось) освященное правом фактическое неравенство. В противном случае терялся бы смысл утверждения равенства в нравственном смысле слова. Процессы формирования фактического неравенства и утверждения равенства в нравственном смысле происходят одновременно, пересекаются и стимулируют друг друга, но движение нравственности в социальном пространстве имеет прямо противоположное праву направление и назначение.

Право исходит из формального равенства и утверждает фактическое имущественное неравенство, нравственность же, признавая закономерность такого неравенства, отталкиваясь от него, стремится установить в обществе фактическое (насколько, конечно, это возможно) имущественное равенство. В этом смысле нельзя согласиться с Е. А. Лукашевой, что у права и морали (даже при том условии, что между моралью и нравственностью нет тождества) имеется общность в функциональном отношении. Верно, что право и мораль действуют в едином поле социальных связей⁴, но «полюсы» у правового и морального полей прямо противоположны. Отсюда вывод: для деятельности законодателя нравственная сфера жизни общества должна быть закрыта. Отношения, построенные исключительно на нравственных ценностях, не должны быть предметом его воздействия.

Законодательство потому и не может декретировать нравственность, что его назначение состоит в том, чтобы выразить и закрепить именно правовую природу общественных отношений, а не нравственную. Для выражения, закрепления и защиты последней существуют иные формы, способы и средства. По Марксу, закон «является всеобщим и подлинным выразителем правовой природы вещей. Правовая природа вещей не может поэтому приспособляться к закону — закон, напротив, должен приспособляться к ней»⁵. При противоположной социальной направленности права и нравственности попытка законодателя декретировать нравственность неизбежно привела бы к созданию системы неправового законодательства.

Законодатель также не может провозгласить правом безнравственность, ибо это означало бы замену права бесправием. Если нравственность коренится в конечном счете в неэквивалентном добровольном обмене благами, то суть безнравственности состоит в стремлении к неэквивалентному обмену, но против воли и желания как индивидов, так и сообщества в целом, т. е. к утверждению противоправного неравенства. Если нравственность стремится преодолеть фактическое неравенство в легальных правовых формах, либо в формах, которые не нарушают правовую природу общественных отношений, то безнравственность не только отрицает нравственные основы общества, но и направлена на то, чтобы утвердить в обществе такое неравенство (чаще всего под покровом, одеянием стремления к равенству), которое основано на отрицании и разрушении права. Таким образом, нравственность признает право как объективную, необходимую форму бытия общества, безнравственность же его отрицает.

При внешне одинаковой социальной направленности права и безнравственности — это антиподы по существу, ибо процесс функционирования права, в отличие от безнравственности, приводит к естественн историческому, закономерному, а потому — правильному и справедливому неравенству.

Субъекты правового общения взаимодействуют с контрагентами только как с равными себе («применение равного масштаба к неравным людям»), соблюдая равенство взаимных предоставлений и получений, свободу контрагента, его положение как относительно автономного, независимого лица⁶.

Равенство в правовом отношении состоит в том, что фактически неравные

люди, обмениваясь материальными и духовными ценностями на эквивалентных началах, вынуждены признавать друг друга равными себе. Равенство участников правового общения, таким образом, не навязывается извне, оно вырастает как естественный, закономерный результат развития тех общественных отношений, которые основаны на эквивалентном обмене ценностями. Именно требование эквивалентного обмена с неизбежностью формирует и «равный масштаб», ставит участников общественного отношения в равное положение. Эквивалентное отношение и возможно как эквивалентное только тогда, когда его участники имеют равную возможность устанавливать эквивалент, единый для них масштаб поведения.

С другой стороны, основанные на равном, эквивалентном начале общественные отношения позволяют признать возникающее вследствие их функционирования фактическое неравенство товаропроизводителей, собственников закономерным, правильным, справедливым. В этом смысле никогда не может стать правовым, справедливым такое неравенство, которое основано на нетипичных, противозакономерных, неестественных для эквивалентного обмена связях (воровство, грабеж, принудительное перераспределение ценностей и т. п.), если даже оно не запрещено законом.

Перераспределение материальных и духовных ценностей с помощью государства путем налогов и сборов, выплаты пособий и предоставления льгот лишь тогда может считаться правомерным, когда направлено на установление нарушенного эквивалента, производится в интересах лиц, которые из-за своих психофизических свойств или по независящим от них обстоятельствам (стихийное бедствие и т. п.) не могут выступать равной стороной в эквивалентном обмене. Вмешательство же государства в процессы обмена, распределения и перераспределения благ из иных, пусть даже и самых благих побуждений, приводит к нарушению эквивалентного характера отношений, равенства сторон, не может быть оправдано: оно является правонарушением, государственным произволом.

В известном смысле недовольство широких слоев советских людей деятельностью «новой» кооперации и обусловлено тем, что во взаимоотношениях с ней они сталкиваются с неравенством, основанным на неравном и неэквивалентном начале общения. Деятельность кооперации, основанная на привилегиях для части общества, нарушает права остальных членов общества, ибо не соответствует принципу всеобщего правового равенства. И если действующее законодательство фактически признает и разрешает существование неэквивалентного, неравного обмена благами, оно вряд ли может считаться правовым. Требование советских граждан создать равные для всех условия производства и обмена, в том числе и для кооперации, гораздо ближе к сути правовой справедливости, чем действующее пока законодательство, регулирующее процессы обмена и распределения материальных и духовных ценностей.

Правовое отношение есть социально контролируемое отношение⁷, прежде всего потому, что обмен ценности осуществляется только через внешние действия, поступки участников общественных отношений. Обмен стоимости происходит на основе сложившегося общественного разделения труда, но стоимости, прежде чем быть обмененными, должны быть произведены. Создание же благ носит общественный характер, а общество имеет непосредственный, можно сказать «правовой», интерес в контроле за их обменом и распределением. Участники правового общения кровно заинтересованы в том, чтобы в ходе передвижения благ не нарушался принцип эквивалентности и равенства сторон, ибо его нарушение угрожает нормальному правовому бытию социума.

Общественный, всеобщий характер производства с неизбежностью формирует требование всеобщности и подконтрольности правового общения, превращает это требование в принцип всеобщего правового равенства. Отношения обмена и распределения материальных и духовных благ, которые сознательно укрываются от общественности, основаны на нарушении принципов эквивалентного, всеобщего правового равенства и составляют суть теневой экономики, которая не признается правовой и преследуется по закону.

Именно в социальной контролируемости правового отношения и заложена возможность государственного принуждения. Неконтролируемое отношение не может быть урегулировано законом, ибо за последним в этом случае не стоит государственная власть, способная «принуждать к соблюдению норм права»⁸.

Законы подобного рода потому и называются «книжными», что их создатель (государство) не вдохнул в них свою силу, а закон без силы государства

есть просто клочок бумаги. Потому-то законодатель и требует расписок, дарственных, письменных завещаний, что в них находят отражение внешние действия участников правового общения. «Помимо своих действий,— подчеркивает Маркс,— я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»⁹.

Таким образом, общественное отношение, имеющее правовую природу и могущее вследствие этого стать предметом законодательного регулирования, характеризуется тем, что: а) основано в конечном счете на имущественном неравенстве; б) его участники строят свои отношения на эквивалентных началах; в) оно базируется на формальном правовом равенстве сторон и делает вытекающее из него фактическое неравенство закономерным, правильным, правовым; г) оно может нормально функционировать только на принципе всеобщего правового равенства; д) оно социально контролируемое отношение.

¹ См.: Сов. государство и право. 1983. № 10. С. 29; Там же. 1979. № 7. С. 71.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 17.

³ См.: Фокина Н. Неотложные долги. Когда платить по счету нравственности // Советская Россия. 1990. 24 марта.

⁴ См.: Лукашева Е. А. Право. Мораль. Личность. М., 1986. С. 71, 72.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 122.

⁶ См.: Сов. государство и право. 1979. № 8. С. 63; Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М., 1977. С. 52.

⁷ См.: Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 87—88.

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 99.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 14.

В. Г. ЗУВАРЬКОВ, В. П. ЛАГОЙСКИЙ

К ВОПРОСУ НОРМАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Традиционно под порядком понимается «правильное устройство, соблюдение стройности очередного хода дел, определенного расположения вещей»¹. Исходя из этого, понятие «общественный порядок» трактуется в широком и узком смысле. Содержание общественного порядка в широком смысле охватывает всю совокупность отношений, складывающихся в обществе. Эти отношения представлены не только надстроечно-правовыми, морально-нравственными, идеологическими, но и базисными: производственными, экономическими.

В. М. Безденежных считает, что понятие «общественный порядок» в узком смысле можно определить как систему общественных отношений, которые складываются главным образом в процессе общения, не связанного с целесообразной коллективной деятельностью, на основе соблюдения норм права и правил социалистического общежития, обеспечивающих поддержание общественного спокойствия, нормальные условия труда и отдыха граждан, функционирования государственных и общественных организаций, уважения чести, человеческого достоинства и требований нравственности².

Не трудно заметить, что одним из главных элементов предлагаемого определения является (хотя бы условная) ограниченность общественных отношений сферой общественных мест. Такой подход, безусловно, вызывает необходимость выделения по какому-либо основанию понятия «общественные места», разграничение их с местами, объектами, не являющимися общественными. Успешность решения указанного вопроса представляется весьма проблематичной, так как известные попытки определения понятия таких мест³ не смогли снять всех научных и практических проблем, возникающих в связи с применением отдельных норм, касающихся охраны общественного порядка. Кроме того, и по существу представляется неоправданным сужение сферы отношений, относящихся к общественному порядку. Границы общественного порядка должны определяться не обеспечением охраны общественных мест, а необходимостью регулирования отношений, складывающихся в обществе.

Следует отметить, что в дальнейшем В. М. Безденежных изменил свою позицию, когда общественный порядок определил как «результат добровольного и сознательного соблюдения правовых и других социальных норм миллионами советских людей, их активного участия в искоренении антиобщест-